

Летиции удалось ловко запарковаться между двумя автомобилями. С первого раза. Но от этого настроение у нее не улучшилось.

— Выключи «Нинтендо», Мило, мы приехали, — машинально произнесла она.

Маленький мальчик на заднем сиденье прилип к гаджету.

Молодая женщина вышла из машины, прихватив папку с документами, портфель Мило и две сумки... Третьей руки, чтобы открыть дверь мальчику, у нее не было. Стукнув локтем в стекло, она дала понять, что больше ждать не станет.

— Пошевеливайся, Мило, я и так нагружена, как мул!

— Подожди, мне надо сохраниться!

Летиция стояла в очень неудобной позе, из-за этого дрогнула упаковка с молочным супчиком, и из-за нерадивости сына пролилось горячее молоко.

— Мило! — сухо прикрикнула она, потому что удачная парковка, по сути, была единственным, что сегодня прошло без помех. — Или ты сию секунду выйдешь из машины, или я на неделю отберу у тебя игрушку.

— Ладно! — вздохнул он, все еще не отрывая глаз от игровой консоли.

Он съехал с сиденья, поставил ногу на тротуар и вяло вытряхнулся из машины.

— И закрой дверцу, если такая просьба тебя не очень обременит!

— Летиция! — раздался у нее за спиной голос, от которого она застыла на месте. — Мы можем пару секунд поговорить?

Она обернулась. Всего в нескольких метрах от нее стояла Тифэн в костюме для пробежки. Взмыленная, с блестящим от пота лицом, с прилипшими ко лбу мокрыми волосами. Часто дыша, она дожидалась ответа, но ответа не последовало. Отведя глаза, она подошла к Мило, взъерошила ему волосы и ласково спросила:

— Все нормально, мой милый?

— Здравствуй, тетя Тифэн! — отозвался мальчуган с радостной улыбкой.

Выведенная из себя, Летиция в два прыжка подскочила к ним, решительно взяла сына за руки и заслонила его собой, спрятав за спину.

— Я запрещаю тебе с ним разговаривать, — прошипела она сквозь зубы.

Тифэн молча стерпела этот выпад.

— Летиция, ну пожалуйста, мы можем поговорить?

— Мило, иди в дом! — приказала мальчику мать.

— Мама...

— Я сказала: иди в дом! — потребовала она тоном, не терпящим возражений.

Мило помедлил и, надувшись, побрел к дому. Как только он отошел, Летиция снова повернулась к Тифэн:

— Я тебя предупреждаю, больная на всю голову, если еще раз увижу, что ты вьешься вокруг него, я выцарапаю тебе глаза!

— Послушай, Летиция, если до тебя не доходит, что я никогда не хотела...

— Заткнись! — прошептала Летиция, в ожесточении прикрыв глаза. — Избавь меня от твоих дешевых извинений, я им не верю ни на грош!

— Вот как? Но тогда кому же ты веришь?

Летиция смерила ее ледяным взглядом:

— Я очень хорошо поняла, что ты пытаешься сделать, Тифэн. И я тебя предупреждаю: если еще хоть раз что-нибудь случится с Мило, я обращусь в полицию.

Тифэн, похоже, искренне удивилась. Она вопросительно уставилась на Летицию, соображая, как надо расценивать ее слова. А потом, словно внезапно поняв, что ее ничто не заставит поменять мнение, вздохнула, даже не пытаясь скрыть, какой болью отозвались в ней слова собеседницы:

— Я не знаю, что за параноидальный бред на тебя накатил, но точно знаю, что ты ошибаешься. Пожалуйста, попытайся хоть на чуточку мне поверить. И если не хочешь сделать это для меня, то сделай для Мило. Потому что этим ты его просто медленно уничтожаешь...

При этих словах Летиция насмешливо подняла бровь, и в ее глазах сверкнул жестокий огонек, словно молния чиркнула по грозовому небу.

— Да уж, ты ведь в этом разбираешься... в том, как уничтожить ребенка, — произнесла она почти нежно.

Пощечина прилетела прежде, чем Летиция успела понять, что происходит. Не успела она произнести

слово «ребенок», как ладонь Тифэн звонко приземлилась на ее щеку. Скрыть свои чувства она не сумела, и глаза ее вылезли из орбит. Она схватилась рукой за щеку, и ей пришлось бросить на землю все тяжести, что она несла.

— Ты не имеешь права! — вспыхнула Тифэн, еле сдерживая слезы, словно пыталась оправдать свой поступок.

На миг обе женщины застыли друг перед другом, готовые броситься в драку. Возможно, и бросились бы, если бы не раздался громкий крик, положивший конец этому противостоянию, пронизанному ненавистью:

— Летиция!

Из того дома, куда только что вошел Мило, выскочил мужчина, не дав им сойтись. Это был Давид, муж Летиции. Он сразу схватил жену за плечи и загородил ее собой.

— Она только что меня ударила! — взвизгнула она, все еще в шоке от такой агрессии.

— Бывает, что намеки причиняют больше боли, чем пощечины, — пробормотала Тифэн, сама потеряв голову от того оборота, что приняло их противостояние.

Давид бросил на нее жесткий взгляд, подбирая слова, потом угрожающе нацелил в нее палец:

— На этот раз ты зашла слишком далеко, Тифэн! Мы подадим на тебя жалобу.

Тифэн стиснула зубы, с трудом сдерживая шквал кипевших в ней чувств. Чтобы взять их под контроль, понадобилось еще несколько секунд, и она, сдержав рыдания, решительно тряхнула головой:

— Как пожелаешь, Давид. Видишь ли, теперь между нами есть большая разница: мне нечего терять.

* * *

Собрав разбросанные по тротуару сумки и пакеты, Давид увел Летицию в дом и быстро закрыл дверь. Тифэн осталась одна. Ее била крупная дрожь, и ей пришлось подождать еще несколько секунд, прежде чем проделать тот же путь.

Она постояла перед дверью их общего дома, достала из кармана ключи и вошла в свою квартиру.

Семью годами ранее

Глава 1

— Ваше здоровье!

Вверх взметнулись три руки и громко чокнулись — две бокалами шампанского и одна стаканом воды. Взрывы смеха, понимающие взгляды, легкие качания головами и заговорщицкие улыбки... Давид и Сильвэн пили маленькими глотками, и шампанское искрилось в бокалах. Летиция поставила свой стакан, не отпив ни глотка, и погладила заметно округлившийся живот.

— Ты и правда не выпила ни капли алкоголя с самого начала беременности? — спросил Сильвэн.

— Ни капельки! — с гордостью ответила Летиция.

— Моя жена — просто святая, — мягко сказал Давид. — Ты не представляешь, сколько запретов она на себя наложилла, чтобы обеспечить нашему сыну наилучшее прибытие в этот мир: никакого алкоголя, соли и жира, минимум сахара. Овощи на пару, фруктов сколько хочешь, никакого красного мяса, побольше рыбы... Йога, плавание, классическая музыка, рано ложиться спать...

Он вздохнул и прибавил:

— С шести месяцев наша жизнь — просто тоска зеленая!

— Я вовсе не святая, а беременная, это разные вещи, — возразила Летиция и в наказание за нездоровые намеки хлопнула мужа по бедру.

— Не считая того, что она мне все уши прожужжала со своими принципами воспитания... Бедный парень! Могу сказать, что тебе будет не очень-то весело.

— Вы что, уже обсуждаете, как будете его воспитывать? — удивился Сильвэн.

— А как же! — очень серьезно заявила Летиция. — Не надо дожидаться, когда проблемы начнутся, чтобы обсудить, как с ними справляться.

— А о чем вы говорите?

— Да о целой куче вещей: что надо быть командой и не возражать друг другу при ребенке; никаких конфликтов до трех лет, никакой кока-колы до шести и никаких гаджетов до десяти...

Сильвэн удивленно присвистнул.

— Я думаю, надо ему как можно скорее дать понять, что, если жизнь покажется слишком трудной, он всегда сможет прийти к нам!

Давид посмотрел на часы.

— Надо было, наверное, дождаться твоей прекрасной половины, прежде чем чокаться, — сказал он Сильвэну. — А то она может на нас обидеться.

— Нисколько. Она же терпеть не может шампанское, а потом, она не хотела, чтобы мы ее ждали... В последние дни... очень устает.

— И правда... Почему именно шампанское? — спросила Летиция. — Бутылочка вина была бы очень кстати.

Вопрос явно застал Сильвэна врасплох. В поисках веской причины он принялся блеять «ну да», «потому что», «видишь ли...».

— Нет, я все-таки не понимаю, — заметила Летиция, откровенно забавляясь смущением друга.

Это смущение не давало ей покоя, засев, как соринка в глазу: ведь бутылка шампанского, в общем-то, не нуждается в поводе ее распить... Ну, конечно! Ее предлагают, когда хотят сообщить какую-нибудь хорошую новость!

Летиция с подозрением оглядела Сильвэна, почувствовала, что здесь что-то кроется, и подождала подсекать рыбку. И вдруг все поняла.

— Она тоже беременна! — вскрикнула она, вскочив с кресла.

— Чего? — пролепетал Сильвэн, еще больше смущаясь.

— Вы собираетесь родить ребенка? — с сияющей улыбкой крикнул Давид.

— Нет! — забеспокоился Сильвэн. — В общем... На самом деле...

Звонок в дверь спас его от неловкости. Летиция вскочила на ноги и, живот вперед, двинулась в прихожую.

— Мои поздравления! — успела она крикнуть, исчезая за дверью.

— Не говорите ей ничего! — умоляюще прошептал Сильвэн. — Она взяла с меня слово, что я ничего вам не скажу и с этой новостью мы подождем.

Потом испуганно взглянул на Давида:

— Она меня убьет!

Давид рассмеялся, встал с места и обнял друга:

— Добро пожаловать в наш клуб! Какой срок?

— Три месяца.

* * *

Когда Летиция открыла входную дверь, она была так счастлива, что просто сияла.

— Милая моя! — воскликнула она, рассмеявшись. — Наши дети будут расти вместе, это так здорово!

Потом, не дав подруге времени отреагировать, она бросилась ей на шею.

Глава 2

Потом, при воспоминании об этом вечере, первое, что приходило в голову Давиду, было ощущение прекрасного мгновения, невероятное счастье, сквозившее в каждом взгляде, в каждом жесте, в каждом произнесенном слове. Планы на будущее, обещания, смех, ощущение уверенности, что семья выбрала для себя самое лучшее, а у него, бездомного сироты, теперь есть свой порт приписки. Брошенный ребенок, он таскался по приемным семьям, и ему было трудно карабкаться по изрытой и немощеной дороге жизни, где таким хрупким было равновесие между добром и злом. Сто раз он совсем пропадал и сто раз выбирался, а потом попал в руки правосудия, и пришлось все начинать с нуля.

Вернуться к самому началу, к истоку.

Его истоком стала она, Летиция. И ребенок, которого она носила. Их малыш. Сын, которому он даст все, чего сам был лишен, и будет держать за руку, указывая добрый путь. Он говорил «добрый путь», потому что, по его мнению, «правильного пути» не существовало. Это было ложное понятие, мираж, которым завлекают детей, чтобы они стали в строй. Никого не обгонять. Не высовываться. Идти прямо вперед, опустив голову и не глядя по сторонам.

Ну уж нет!

В жизни вообще нет ничего прямого. Она похожа на огромную пересеченную местность, усеянную препятствиями и тропами, которые то и дело поворачивают назад, а еще лабиринтами с ловушками, где прямая дорога просто невозможна.

Какой путь между двумя точками самый короткий?

Тот, который знаешь.

Но, что бы ты ни делал, какие бы вехи ни ставил, в конце пути тебя ожидает все то же.

Так думал Давид, пока не встретил Летицию.

Он поступал, как поступают все: выбрал единственный путь, который ему представился, мост, висящий над пропастью, без указателей, без перил. И без ограждающих барьеров, которые могли бы его бережно поддерживать на крутизне, пока он не станет взрослым.

И он сорвался.

Поначалу на какой-то маленькой провинности. В тринадцать лет каннабис, в пятнадцать — кокаин. В юность он стартовал, зашибая деньгу на скверном пути в скверной компании. А потом закрутилась адская спираль. Мелкие кражи сменились более серьезными преступлениями: налетами, кражами со взломом, насилием.

Два года он провел в исправительном доме.

А едва оттуда вышел, предпринял первую попытку подняться и снова пойти вперед. Давид хватался за что только мог, да и схватиться было особенно не за что: так, обрывки веревки, которая очень быстро кончилась, да скользкие доски. Территория опасная, на ней ничего не стоит пойти не туда и снова сорваться. На этот раз он сел на четыре года за вооруженное ограбление.

Выходя после второй отсидки, он дал себе слово больше в тюрьму не попадать. Выкарабкавшись во второй раз, он принялся двигаться шаг за шагом. Поначалу ползком. Побывал посудомойщиком в китайском ресторане, чтобы оплачивать клетушку для прислуги за 300 евро в месяц, без горячей воды и отопления, с туалетом на лестничной площадке и тараканами на стенах. И на тебе самом. Устроился водителем автобуса и поменял жилье на такую же клетушку, но уже просторнее, с горячей водой и отоплением, все так же без туалета, но зато и без тараканов. Постепенно встал на ноги, проверяя равновесие на каждом этапе, шаг за шагом, не торопясь. Так прошло несколько лет.

К двадцати семи годам он работал уборщиком в больнице и арендовал квартиру-студию с ванной комнатой.

Тогда и пересеклись их с Летицией дороги. И случилось это не в его квартире и не в его ванной комнате, а в больнице.

Его путь к точке пересечения начался, скорее всего, на ровном, залитом гудроном шоссе национального значения, которое вилось среди буколических¹ пейзажей с зелеными лужайками, с фруктовыми деревьями, холмами и полями, насколько хватало глаз. Горизонт был чист. Настолько чист, что какой-то грузовик снес на шоссе оба предохранительных ограждения.

Это случилось ночью, в тот самый час, когда ночь покидает воскресенье и ведет свою машину к понедельнику. Как раз за разговорами о вождении и произошла авария. Родители Летиции возвращались домой

¹ Б у к о л и к а — в переносном смысле любое пасторально-идиллическое произведение искусства.